

Лесков против Солженицына

Книгу Александра Солженицына «Двести лет вместе» стали бурно обсуждать сразу после того, как она была опубликована. «ОГ» планировала высказаться после выхода ее второго тома. Но накал дискуссий побуждает нас опубликовать сегодня это читательское письмо. Надеемся, что оно вызовет у наших читателей желание высказаться в свою очередь.

Новая книга А.И. Солженицына «Двести лет вместе» заранее была обречена на всеобщий интерес. Еще бы, писатель посвятил ее самой щекотливой теме всех времен — совместному проживанию евреев и коренного населения России. Он и сам подобрал обихаживающий образ, обывав в предисловии: «Я не терял надежды, что найдется прежде меня автор, кто объемно и равномерно, обоим сторонам осветит нам этот каленый клин».

Каленый клин... Но об этом дальше. А вот насчет автора — так ли уж пристально Александр Исаевич выискивал предшественника, который «равновесно, обоим сторонам осветит» и т.д.? Или запомнил нечаянно? Был такой автор, и тоже русский классик — Николай Семенович Лесков, создавший «Левшу» и «Очарованного странника». Его менее известна «Жидовская кувырколлегия»

и некоторые другие произведения нискали ему репутацию антисемита. Однако же на крутом повороте истории, когда по югу России прокатилась волна погромов 1881–1882 годов, он сумел приподняться над былым предубеждением и написал объемный, на пять печатных листов, очерк «Еврей в России». Несколько замечаний по еврейскому вопросу».

Но сначала о тернистом пути самого этого очерка. Явно под давлением всего цивилизованного мира, потрясенного кровавыми событиями, царскому правительству пришлось создать специальную комиссию для рассмотрения вопроса в следующей плоскости: являются ли погромы ответом «толпы» на эксплуатацию, которой евреи якобы подвергали окружающее население. В 1883 году Лесков представил комиссии свой очерк, который был специально цензурирован и издан отдельной брошюрой в количестве всего 50 экземпляров, и то исключительно для служебного пользования внутри комиссии. Ни при жизни писателя, ни долгие годы спустя произительно горестный «Еврей в России» не включался в собрание сочинений Лескова и вообще не издавался. Своей истинно всесторонней правдой о застарелой болезни Российской империи эта явно не льстила державе и потому была обречена. И

только в 1919 году лесковский очерк был издан отдельной книжкой, тираж которой быстро разошелся и исчез с поверхности еще на целых 70 лет. Сокращенный вариант брошюры весьма нешумно появился лишь в 1990 году в Москве.

А теперь вернемся к Солженицыну и его «каленому клину». Кто раскалил этот клин? Достаточно обратиться к первой же главе книги, и ответ ясен. Немного, конечно, виноваты поляки, но в основном — они те самые, которые брали у панов на откуп продажу водки и спаивали русского мужика. «И вот почему — узнаем мы наконец-то, — когда в 1648 году разразилось страшное восстание казаков под предводительством Хмельницкого, евреи, наравне с поляками, пали жертвой, погибли десятки евреев». И так «равновесно» изложено, что самый жестокий за всю историю погромщик, одним махом вырезавший около 100 тысяч евреев, превратился в народного мстителя. Было кому и за что мстить, прозрачно намекает писатель.

С первых же страниц повествования Солженицын проводит свою генеральную линию: евреи спаивали русский народ. В каждом отдельном случае, приводя какой-нибудь из собранных им документов (подбор которых остается на его совести), он всячески старается сохранить видимость личного беспристрастия, порой просто скрываясь за цитатами. Например, он цитирует: «присутствие евреев в деревнях вредно отражается на экономическом и нравственном состоянии крестьянского населения, так как евреи развивают пьянство среди местного населения», и даже не находит нужным как-то отстраниться от этого утверждения.

За него это делает Лесков, сославшись на суждения всеми почитаемых русских патриархов: «Развертываем дошедшие до нас творения св. Кирилла в XI веке и что же слышим: святой муж говорит уже увещательные слова против великого на Руси пьянства; обращаемся к другому русскому святому — опять тоже Кириллу (Белозерскому) и этот со слезами проповедует русским унять от «превеликого пьянства». И, к сожалению, слово высокого старца не имеет успеха... Ужасно, но жид в том нимало не повинен».

Свои цитаты Солженицын подкрепляет как бы убийственной правдой статистики, поражающей процентами еврейского влияния по части винокурения. А Лесков снова возражает ему с позиции живого свидетеля того времени: «Но и статистика дает показания не в пользу тех, кто думает, что где живет и действует ев-

рей, там местное христианское население беднее. Напротив, результат получается совершенно противоположный».

И прямым укором Солженицыну звучат слова Лескова: «Перенесение обвинения в народном распойстве на евреев принадлежит самому новейшему времени, когда русские, как бы в каком-то отчаянии, стали искать возможности возложить на кого-нибудь вину своей долгой исторической ошибки. Евреи оказались в этом случае удобными, на них уже возложено много обвинений, почему бы не возложить еще одного, нового? Это и сделали».

А Солженицын снова возвращается к своему лейтмотиву, и снова в манере беспристрастного изложения: «Влиятельная в те годы газета «Голос» (известная в истории журналистики своим махровым антисемитизмом, о чем автор умалчивает. — Г.З.) назвала еврейское шинкарьство «язвой края, и при этом язвой неисцелимой». Для «равновесности» Солженицын ссылается на некоего И. Оршанского, который, по его мнению, «отвлеченно теоретически» берется доказать «неполную виновность евреев». Какие доказательства приводит Оршанский в подтверждение хотя бы «неполной» их виновности, нам узнать не дано. Зато он

Общая суета. — 2002. — 7 февр. — с. 10

признает (вот тут писатель его, разумеется, цитирует), что «в еврейской торговле много обманов и что еврей барышник, шинкарь и ростовщик эксплуатирует бедное население, особенно сельское».

Словно именно Солженицыну и отвечает Лесков: «огульное обвинение всего еврейства в самом высшем обманществе может представляться сомнительным. А тогда факт «эксплоатации» может быть принимаем за непререкаемый только теми, кто не боится ошибок и несправедливости против своего ближнего. Принадлежать к этому разряду людей надо иметь большую отвагу и очень сговорчивую совесть».

Какую же надо иметь сговорчивую совесть, чтобы связать первую волну эмиграции евреев из России не с погромами и беспроектной «чертой оседлости», а с реформами вино-водочной торговли, ущемившей интересы еврейских шинкарей. Именно с конца XIX века заметно усилилась эмиграция евреев из России, — заключает Солженицын. — Статистическую ее связь со введением казенной питейной продажи не установить, но на то указывают эти 100000 отнятых заработков».

Из какого сора под неусыпным оком царской, а затем и советской цензуры произрастала в России лю-

бая статистика, хорошо известно. Но если очень хочется, то почему бы не воспользоваться, что и совершил Александр Исаевич. Лесков же с достоверностью очевидца опровергает это: «Прежде всего стоит уяснить: какое соотношение представляет число евреев-шинкарей к общему числу евреев ремесленников и промышленников, занимающихся иными делами... Шинкарей много, менее, чем слесарей, пекарей и сапожников... В любом местечке, где есть пять, шесть шинкарей, — все остальное еврейское население промышляет иными делами, и в этом смысле околные жители из христиан находят в труде тех евреев значительные удобства не для пьянства. Евреи столярничают, кладут печи, штукатурят, малярят, портняжничают, сапожничают, держат мельницы, пекут булки, куют лошадей, ловят рыбу».

Что бы ни говорили Лесков или Солженицын о положении евреев в России XIX века, суждения их противоположны. Остается сожалеть, что газетная статья не способна вместить весь их «диспут», в котором лукавой изощренности Солженицына противостоит ничем не замутненная искренность Лескова. При этом первый упорно склоняет читателя к выводу, что евреи сами виноваты в ненависти к ним коренного населения.

Принимаясь за свой монументальный труд, А.И. Солженицын решил показать, что не так уж притесняли евреев в царской России, что если и было им плохо, то по их собственной вине, и что вообще виноваты они перед русским народом. Сказать об этом прямо вроде бы не к лицу маститому писателю и философу. Наверное, поэтому, читая одну страницу за другой, никак не можешь избавиться от ощущения так или иначе замаскированной предвзятости и косвенного, а иногда и прямого оговора.

Данная статья ограничена темой, которая перекликается с лесковским «Евреем в России». Остальные, затронутые здесь аспекты книги Солженицына заслуживают подобной же оценки — касаются ли они чрезмерной тяги еврейской молодежи к образованию, из-за чего якобы пришлось ввести процентную норму, или непомерного участия евреев в революционном движении, из-за чего вроде бы и произошел октябрьский переворот. А также всего остального, ярко выраженного в известной каштучке «если в кране нет воды...».

Провозгласив в свое время великую заповедь «жить не по лжи», Солженицын, увы, сам же ее нарушил.

Григорий ЗЕЛЕНИН